Л. Л. Драке.

X
355
Д

Кадетскій бытъ 50-хъ годовъ.

(Отрывочныя воспоминанія).

199696/1

Издалъ В. Березовскій
КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
С.-Петербургъ. Колокольная, 14.
1911.

Типографія В. Безобразовъ и Ко. В. О., Большой пр., 61.

НКП.-РСФСР.
Центральная библиотека
по народному
образованию

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Близокъ уже конецъ второго столѣтія существованія 1-го кадетскаго корпуса, основаннаго Императрицею Анною Іоанновною и открытаго 17 февраля 1732 года подъ названіемъ Сухопутнаго Шляхетскаго Корпуса.

Хотя за этотъ продолжительный промежутокъ времени и появился разновременно въ печати цѣлый рядъ сочиненій, касающихся исторіи названнаго корпуса, старѣйшаго изъ всѣхъ нашихъ военно-учебныхъ заведеній, тѣмъ не менѣе позволю предложить благосклонному вниманію лицъ, интересующихся нашею военною стариною вообще и былымъ кадетскимъ бытомъ *до реформенныхъ* кадетскихъ корпусовъ, въ частности, настоящій небольшой трудъ, составленный исключительно по личнымъ воспоминаніямъ о времени, проведенномъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, а также частью и по сохранившимся современнымъ моимъ замѣткамъ и письмамъ.

Каюсь за случайныя ошибки, если таковыя будутъ замѣчены въ моихъ отрывочныхъ воспоминаніяхъ пережитаго 50 лѣтъ тому назадъ. Давность солидная, и потому ошибки и недомолвки вполнѣ возможны.

Хотя бывшіе кадетскіе корпуса (до реформы 1863 года) и имѣли не мало недостатковъ, но все же въ быломъ режимѣ ихъ было столько хорошаго въ отношеніи соблюденія традицій, въ отношеніи преданности долгу, любви къ военному дѣлу и доброму товариществу, продолжавшемуся и на службѣ, что я позволю себѣ закончить это предисловіе искреннимъ пожеланіемъ, чтобы хорошія стороны *до рефор-*

менпаго 1-го кадетскаго корпуса: его старыя традиціи, преданность долгу, любовь къ военному дѣлу и доброе товарищество—твердо были усвоены нынѣшними кадетами названнаго славнаго корпуса, а разъ это будетъ, то онъ снова дастъ родинѣ такихъ дѣятелей, каковыми были во время оно бывшіе кадеты: Репнинъ, Румянцевъ, Кутузовъ, Милорадовичъ, Толь, Прозоровскій, Каменскій и др.

Авторъ.

С.-Петербургъ,
1 Февраля 1911 г.

Въ августѣ 1851 года, послѣ вполнѣ поверхностнаго повѣрочнаго экзамена, $9^1/_2$ лѣтъ отъ роду, я былъ опредѣленъ въ 1-й кадетскій корпусъ, помѣщавшійся, какъ и нынѣ, на Васильевскомъ Островѣ (на углу 1 линіи и набережной Невы) въ старинномъ громадномъ зданіи, принадлежавшемъ въ Петровское время князю Меньшикову и зачисленъ въ неранжированную роту, а по степени подготовки—во второе отдѣленіе 2-го приготовительнаго класса. Директоромъ этого корпуса былъ тогда Генералъ-Маіоръ Орестъ Семеновичъ Лихонинъ—человѣкъ суровый, непривѣтливый, сухой и рѣзкій въ обращеніи съ кадетами, почти для нихъ недоступный и вообще въ полной мѣрѣ не симпатичный.

Дополняю характеристику этого „горе-педагога" правдивымъ отзывомъ одного изъ бывшихъ кадетъ того времени „намъ живо представляется обликъ этого человѣка, подъ попеченіемъ котораго мы находились почти десять лѣтъ. Средняго роста, худощавый, угловатая голова съ блѣдно-желтымъ рябоватымъ лицомъ. Свѣтло-сѣрые бездушные глаза невольно заставляли не смотрѣть на нихъ; уста его не озарялись улыбкою; онъ былъ непривѣтливъ къ кадетамъ, безсердеченъ, мстителенъ, злопамятенъ; онъ не умѣлъ отличать кадетской шалости отъ серьезнаго порока: испортить судьбу выпускнаго кадета ему было нипочемъ" *).

Батальономъ корпуса въ началѣ 50-хъ годовъ командовалъ Полковникъ Малевичъ—средняго роста толстякъ и кри-

---

*) Этотъ отзывъ былъ напечатанъ К. Волховскимъ въ приложеніи къ альбому бывшихъ кадетъ перваго корпуса, изданному въ 1884 году.

кунъ,—замѣненный, спустя нѣсколько лѣтъ, добродушнымъ и плохо говорившимъ по-русски Подполковникомъ Талквистомъ; этотъ послѣдній, кажется въ 1857 году, оставилъ службу въ корпусѣ, и въ командованіе батальономъ вступилъ Полковникъ Иванъ Федоровичъ Элліотъ.

Корпусъ подраздѣлялся на пять ротъ: гренадерскую Его Величества, три мушкетерскихъ и неранжированную, при чемъ эта послѣдняя въ строевой составъ батальона не входила и даже помѣщалась въ отдѣльномъ зданіи, смежномъ съ корпуснымъ лазаретомъ. Организація эта существовала еще со временъ Павла I (1797 года); ранѣе же корпусъ дѣлился на возрасты *).

Въ описываемый періодъ времени строевыми ротами разновременно командовали: гренадерскою—Капитанъ Савельевъ (называвшійся кадетами почему-то „бабкою") и мушкетерскими—Капитаны Талквистъ, **) Прутченко, Чижевичъ, Вилькенъ, Малиновскій (небольшого роста съ выдающимися челюстями, грубый и сомнительной нравственности) и Фроловъ. Командирами же неранжированной роты въ мое время были: Капитаны—Апполонъ Петровичъ Карабановъ, Петръ Ивановичъ Сухотинъ и фонъ-деръ-Вейде (особенно долго прослужившій въ корпусѣ, затѣмъ въ 1-й военной гимназіи и Павловскомъ военномъ училищѣ).

Въ зависимости отъ возраста, класса и роста, постепенно переходя изъ одной роты въ другую, я, въ сентябрѣ 1858 года переведенъ былъ въ гренадерскую роту.

Корпуснымъ адъютантомъ былъ весьма симпатичный поручикъ Гераковъ, казначеемъ поручикъ Фроловъ (однофамилецъ ротнаго командира) и, наконецъ, экономомъ, кажется, Петровъ, слывшій образцовымъ взяточникомъ, что, впрочемъ, въ то время было довольно зауряднымъ явленіемъ. Инспекторами классовъ были: дѣйствительный статскій совѣтникъ Кушакевичъ (отецъ кадета того же корпуса и впослѣдствіи фельдфебеля) и послѣ него полковникъ Линденъ, преподававшій въ спеціальныхъ классахъ корпуса артиллерію.

---

*) Неранжированная рота преобразована была въ 1811 году изъ четвертой мушкетерской роты.

**) Впослѣдствіи, какъ сказано, командовавшій батальономъ корпуса.

Настоятелемъ корпусной церкви былъ отецъ Бенедиктовъ, пользовавшійся уваженіемъ и любовью кадетъ всего корпуса, безъ различія вѣроисповѣданій.

Въ корпусномъ лазаретѣ были два доктора: старшій—Дмитрій Федоровичъ Обломіевскій (гомеопатъ и мягкаго характера) и младшій—Солошенко (всегда съ табакеркою въ рукѣ и часто нюхавшій табакъ, вслѣдствіе чего кадетами и сочиненъ былъ про него стихъ: „Солошенко малороссъ, табакомъ снабжаетъ носъ“).

Дежурными офицерами (по нынѣшнему — младшими) были: Пальниковъ (не злой, но ограниченный), *) Морбергъ (плохо говорившій по-русски и, вслѣдствіе глухоты, дурно слышавшій, что для кадетъ часто служило поводомъ глумленія надъ нимъ и шалостей въ дни его дежурства), Бракеръ (откуда то исключенный и пристроившійся въ корпусъ), Гладгеймъ, Усовскій (авторъ хорошаго—въ свое время—географическаго атласа), Шулеповъ (за что то вынужденный оставить службу въ полевой артиллеріи), Нестеровъ (наушникъ, не любимый кадетами и получившій на моихъ глазахъ, въ день своего дежурства, двѣ пощечины отъ прекраснаго фельдфебеля Міончинскаго, исключеннаго за это изъ корпуса, съ разжалованіемъ въ рядовые. **) Былъ также въ числѣ дежурныхъ офицеровъ Сумскаго гусарскаго полка Поручикъ Чириковъ, любимый кадетами, ласково съ ними обращавшійся, но не знакомый съ пѣхотнымъ строемъ и вообще не повинный въ знаніи

---

*) Про Пальникова курсировалъ такой анекдотъ: во время приготовленія уроковъ сидятъ два кадета въ занимательной комнатѣ и вмѣстѣ штудируютъ заданный урокъ по алгебрѣ; проходившій мимо Пальниковъ спрашиваетъ ихъ: „вы что тутъ дѣлаете:“ и на отвѣтъ кадетъ—„корень извлекаемъ, Г. Штабсъ-Капитанъ“,—Пальниковъ отвѣтилъ—„ну извлекайте, только не сорите“.

**) Сначала Міончинскій посаженъ былъ въ зданіе „Jeu de pomme“ (на кадетскомъ жаргонѣ „жидипонъ“), сосѣднее съ зданіями корпуса,—огромное темно-краснаго цвѣта,—потомъ отправленъ въ Аракчеевскія казармы и оттуда, кажется, въ Софійскій пѣхотный полкъ на службу простымъ рядовымъ до выслуги. Наказаніе очень суровое, и судебнаго разбирательства, на сколько помню, не было. (Смотри также Воспом. Д. А. Скалона. Рус. Стар. 1908, мартъ стр. 708).

педагогики. *) Вотъ подобные,—какъ на подборъ,—лица были воспитателями дѣтей и юношей, ихъ горе-педагогами. Все это, понятно, знали и—терпѣли; очевидно, основательно забывъ условія, коимъ должны были удовлетворять офицеры корпуса, установленныя еще въ 1732 году при основаніи Сухопутнаго Шляхетнаго корпуса; въ тогдашнихъ правилахъ по отношенію къ 12-ти ротнымъ офицерамъ было между прочимъ сказано, что: „офицеру надлежитъ быть довольно заслуженнымъ, иностранныхъ языковъ, также и касающихся кадетскому корпусу наукъ, знающимъ, чтобы оные наивящнѣе полезныя службы при кадетскомъ корпусѣ оказать могли". Этимъ, весьма скромнымъ, условіямъ большинство офицеровъ корпуса, начиная съ директора онаго, генерала Лихонина, совершенно не удовлетворяло и исключенія были рѣдки. Строгій, и отчасти суровый, режимъ и порядокъ въ корпусѣ поддерживался благодаря стариннымъ, прочно установившимся, корпуснымъ традиціямъ, сознанію кадетами, даже малаго возраста долга и отличному между ними товариществу, а частью—къ сожалѣнію,—и цѣлою серіею выработанныхъ тогдашними военными педагогами (вскормленными на Аракчеевскомъ молокѣ) разнообразныхъ наказаній, доведенныхъ въ иныхъ случаяхъ прямо до виртуозности. Перечислю ихъ на-память съ увѣренностью въ безошибочности.—Главнымъ наказаніемъ была, конечно, пóрка розгами (отъ 5—10 ударовъ и болѣе) обыкновенно по субботамъ въ аммуничникахъ ротныхъ помѣщеній, а иногда и въ классныхъ помѣщеніяхъ—послѣ классовъ; **) одна такая, такъ сказать, генеральная порка (или правильнѣе—истязаніе) произведена была надъ однимъ кадетомъ даже въ рекреаціонномъ залѣ, передъ фронтомъ выстроенныхъ кадетъ; фамилію мученика-кадета я не помню, но экзекуціею руководилъ лично директоръ генералъ Лихонинъ. ***) Въ ряду наказаній былъ карцеръ

*) Спустя нѣкоторое время, Поручикъ Чириковъ былъ отчисленъ, кажется, за какой то скандалъ внѣ корпуса.

**) Особенною свирѣпостью при этихъ поркахъ отличался служитель, по фамиліи Голощаповъ.

***) Можетъ быть, это и была именно та жестокая экзекуція надъ кадетомъ Плецомъ, о которой упоминаетъ Д. А. Скалонъ въ своихъ воспоминаніяхъ. (Рус. Старина. Мартъ 1908, стр. 707).

(помѣщавшійся въ подвальномъ этажѣ) съ полутемными каморками, грязными и переполненными всякими насѣкомыми, постановка на штрафъ къ столбу въ столовомъ залѣ, оставленіе безъ обѣда вовсе, безъ сладкаго блюда (по праздникамъ), безъ пирога, оставленіе безъ отпуска, выговоры, записи въ штрафной журналъ, исключеніе изъ корпуса, запись на черную доску въ классѣ, лишеніе погонъ, постановка къ столбу въ столовой въ промасленной ламповщицкой курткѣ изъ сѣраго солдатскаго сукна (такому позорному наказанію въ мое время былъ подвергнутъ *только одинъ* кадетъ, кажется, по фамиліи Друцкой), лишнія дневальства въ лагерѣ, лишеніе ефрейторскаго и унтеръ-офицерскаго званій, присутствованіе—страха ради—при тѣлесныхъ наказаніяхъ, отправка въ школы военныхъ кантонистовъ (весьма рѣдко примѣнявшееся наказаніе) и проч. и проч. Противно даже припоминать... Нѣкоторые унтеръ-офицеры,—къ чести корпуса, весьма немногіе,—помимо ряда различныхъ глумленій надъ подчиненными имъ кадетами, дозволяли себѣ, кромѣ ударовъ иногда линейкою или жгутомъ (изъ носового платка), ставить на штрафъ въ каморѣ къ столбу или передъ кроватью провинившагося кадета даже „на одной ногѣ“ (съ милостивымъ разрѣшеніемъ черезъ нѣсколько минутъ перемѣнить ногу *).

Въ мое время фельдфебелями въ ротахъ корпуса были: Міончинскій (разжалованный въ рядовые, какъ замѣчено выше), Обручевъ (сосланный, кажется, въ Сибирь за что то), Зубовъ (нынѣ генералъ, состоящій при Его Высочествѣ Георгіѣ Максимиліановичѣ), Случевскій (впослѣдствіи камергеръ и литераторъ), Ридигеръ, Обломіевскій (сынъ старшаго корпуснаго врача, впослѣдствіи генералъ и геодезистъ) и др. Знаменщиками были: Шульцъ 4 и Водаръ (нынѣ членъ Военнаго совѣта). Унтеръ-офицерами были: Тутолминъ, Сержпинскій, Цыклауровъ, Аргамаковъ, Бобриковъ (убитый въ Гельсингфорсѣ въ должности мѣстнаго генералъ-губернатора), Рудановскій, Арпсгофенъ, Кельнеръ, Де-Роберти, Шульцъ 3 и 4, Водаръ, Альбедиль и др.

---

*) Подобному шутовскому наказанію за какой то пустякъ подвергнутъ былъ, помню, одинъ кадетъ младшихъ классовъ унтеръ-офицеромъ Де-Роберти.

Неранжированная рота ружей не имѣла, а остальныя четыре вооружены были кремневыми ружьями, съ деревяшкою, вмѣсто кремня, въ куркѣ, погоннымъ ремнемъ, окрашеннымъ въ темно-красный цвѣтъ, и съ тупымъ штыкомъ. Подобныя ружья по длинѣ и вѣсу были пяти разборовъ (какъ тогда называли), при чемъ пятый — весьма легкій—для кадетъ малаго возраста и роста.

Баталіонъ корпуса имѣлъ опредѣленное число барабанщиковъ и горнистовъ и хоръ музыки (изъ нижнихъ чиновъ).

Встрѣчнымъ маршемъ корпуса, — игравшемся также и при церемоніальномъ маршѣ „тихимъ учебнымъ шагомъ въ 3 пріема",—былъ тотъ, который нынѣ присвоенъ всѣмъ военно-учебнымъ заведеніямъ и лейбъ-гвардіи Конно-гренадерскому полку.

По тогдашнему, довольно сложному, строевому пѣхотному уставу, примѣненному и въ кадетскихъ корпусахъ,— баталіонъ кадетъ строился въ 3 шеренги и имѣлъ особыхъ застрѣльщиковъ, выбѣгавшихъ по командѣ для стрѣльбы. Церемоніальнымъ маршемъ въ лагерѣ и на майскихъ парадахъ баталіонъ проходилъ упомянутымъ „тихимъ учебнымъ шагомъ въ 3 пріема", держа ружья подъ прикладъ, отвѣсно, у лѣваго плеча, а также скорымъ и бѣглымъ шагомъ (держа ружья „на перевѣсъ"). Былъ цѣлый рядъ ружейныхъ пріемовъ (кромѣ существующихъ нынѣшнихъ), какъ напримѣръ: „подъ ку — рóкъ", „отъ дождя́", „на погребеніе" и пр.; для отчетливости пріемовъ и, такъ сказать, звонкости ихъ, кадетами иногда ослаблялись погонные ремни и гайки антáбокъ (особенно для пріемовъ: „на кра— у́лъ" и „на ру — ку́"). Въ числѣ строевъ были „кучки", строившіяся изъ цѣпи застрѣльщиковъ и разныя „каре", начиная съ баталіоннаго. Стрѣльба была, понятно, всегда примѣрная (безъ пороху), съ цѣлымъ рядомъ командъ, какъ напримѣръ: „вынь па — трóнъ", при чемъ по этой командѣ кадеты звонко ударяли ладонью правой руки по большой, наполненной соломою, патронной сумѣ, висѣвшей на поясницѣ (то-есть, какъ бы вынимая патронъ), далѣе шла команда „скуси па — трóнъ", по которой кадеты подносили кисть правой руки ко рту, (то-есть, какъ бы откусывая кусокъ бумаги отъ мнимаго патрона) и т. д. Затѣмъ

шелъ рядъ пріемовъ съ ружейнымъ шомполомъ. Для штыкового удара баталіонъ строился въ „колонну къ атакѣ“ и, держа ружья „на руку“, шелъ ускореннымъ шагомъ подъ особый маршъ, игравшійся хоромъ музыки (кажется, на слова „ура, впередъ, 4—5 взводы“ и т. д.). Всѣ сигналы на рожкахъ имѣли и соотвѣтствующія слова, по тактамъ, напримѣръ: „соберитесь молодцы за камни и кусты, по два въ рядъ“—это разсыпаніе застрѣльщиковъ, „наведи́—до груди́—попади́“—это стрѣльба и проч.

Въ описываемое время считались кадетами 1 кадетскаго корпуса: Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ (состоявшій въ спискахъ корпуса съ 15 ноября 1843 года, то-есть со дня своего рожденія) и Великіе Князья—Александръ и Владиміръ Александровичи. Мы видѣли ихъ обыкновенно въ лагерное время, когда они пріѣзжали въ открытой коляскѣ на ученья, уже вполнѣ одѣтые, въ каскахъ и съ ружьями.

30 апрѣля 1853 года названный корпусъ, въ числѣ прочихъ кадетскихъ корпусовъ, участвовалъ на Царицыномъ лугу въ майскомъ парадѣ, при чемъ, „баталіонъ корпуса выступилъ въ парадной формѣ сначала къ Адмиралтейской площади, далѣе шелъ съ музыкою по Невскому проспекту и Михайловской улицѣ на площадь у Инженернаго замка; тамъ былъ короткій отдыхъ и даны кадетамъ сдобныя булки; затѣмъ баталіонъ сталъ на свое мѣсто по жалонерамъ. Парадъ начался въ 1 часъ пополудни, баталіонъ корпуса проходилъ церемоніальнымъ маршемъ два раза, и въ промежутокъ между прохожденіями, каждый кадетъ снова получилъ по булкѣ. За хорошій парадъ приказано было уволить кадетъ на 3 дня въ отпускъ. Обѣдъ въ этотъ день въ корпусѣ былъ только въ $5^1/_2$ час. *)“.

Ежегодно, лѣтомъ, всѣ кадетскіе корпуса выводились въ лагерь.

По историческимъ даннымъ, въ царствованіе Екатерины II лагерь кадетъ 1-го корпуса (тогда Сухопутнаго Шляхетнаго) былъ въ корпусномъ саду, а съ назначеніемъ

---

*) Письмо подобнаго содержанія, случайно сохранившееся и понынѣ, я писалъ, имѣя всего 11 лѣтъ отъ роду, и по сему, естественно, разсказывая о парадѣ,—не забывалъ и булокъ.

Цесаревича Константина Павловича Главноначальствующимъ военно-учебными заведеніями, лагерь до 1811 года былъ подъ Стрѣльною. Въ 1826 году кадеты впервые были въ Красносельскомъ лагерѣ. Съ 1829 и до 1854 года кадетскій лагерь былъ въ Петергофѣ, затѣмъ, два года, въ виду войны съ Турціею и союзными державами, — въ Царскомъ Селѣ и съ 1856 года снова въ Петергофѣ.

Я лично былъ въ составѣ корпуса въ Петергофскомъ и Царскосельскомъ лагеряхъ. Изъ сохранившагося письма моего отъ 30 іюня 1854 года между прочимъ видно, что кадетскіе корпуса перевезены были въ Царское Село по желѣзной дорогѣ, при чемъ собственно баталіонъ 1-го кадетскаго корпуса 23 іюня выѣхалъ въ 5 часовъ пополудни и у Царскосельскаго вокзала (то-есть въ Царскомъ Селѣ) былъ встрѣченъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ (покойнымъ Императоромъ Александромъ II); отъ вокзала баталіонъ шелъ черезъ Царскосельскій паркъ и въ 10 часовъ вечера прибылъ въ лагерь, а на другой день (24 іюня) праздновалъ свой корпусный престольный праздникъ молебствіемъ (при чемъ одна рота, въ которой я тогда состоялъ, отправлена была въ дворцовую церковь).

29 іюня того же 1854 года Наслѣдникъ Цесаревичъ произвелъ въ кадетскомъ лагерѣ тревогу.

Въ лагерное время кадетскій корпусъ участвовалъ и въ небольшихъ маневрахъ вмѣстѣ съ прочими корпусами входившими въ составъ отряда военно-учебныхъ заведеній, а иногда и съ саперными частями, стоявшими тогда лагеремъ на Бабигонѣ (около Петергофа). Такъ, напримѣръ, въ 1853 году произведенъ былъ, въ присутствіи Императора Николая I, частями отряда военно-учебныхъ заведеній въ окрестностяхъ Бабигона маневръ, по окончаніи коего, всѣ кадетскіе корпуса, не возвращаясь въ Петергофскій лагерь, направились прямо въ Петербургъ. Подобные маневры повторялись ежегодно, но я не помню, гдѣ именно они производились, хотя, вѣроятно, въ окрестностяхъ того же Бабигона, за исключеніемъ, однако, 1854 и 1855 годовъ, когда лагерь кадетскихъ корпусовъ былъ въ Царскомъ Селѣ. Изъ сохранившагося письма отъ 28 іюня 1858 года видно, что 26 іюня у Бабигона произведенъ былъ отрядомъ военно-учебныхъ заведеній въ Высочайшемъ присутствіи, маневръ

связанный съ атакою выстроенныхъ тамъ саперами укрѣпленій, при чемъ ротѣ подъ командою капитана Фролова, привелось атаковать люнетъ. Маневренныя дѣйствія отряда продолжались въ общемъ отъ 10 ч. утра до $5^1/_2$ час. пополудни. Въ этотъ день въ строю ротъ 1 кадетскаго корпуса были, числившіеся въ немъ, Великіе Князья и Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, а сыновья Великой Княгини Маріи Николаевны — Герцоги Лейхтенбергскіе — были въ рядахъ 2 кадетскаго корпуса,

11 іюня 1858 года я былъ въ строю, такъ называвшагося, Петергофскаго караула въ верхнемъ дворцовомъ саду и однимъ изъ унтеръ-офицеровъ этого караула былъ покойный Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ. Караулъ представился Государю Императору безупречно, за что Его Величествомъ всѣмъ кадетамъ караула пожаловано было по одному серебрянному рублю, а отъ Великой Княгини Ольги Николаевны—конфекты.

Въ составѣ корпуса былъ отдѣльный горскій конный взводъ, состоявшій исключительно изъ кадетъ-магометанъ—уроженцевъ Кавказа; они были одѣты въ свѣтлосиніе чекмени съ гозырями и головнымъ уборомъ имѣли папаху; вооружены были шашками кавказскаго образца, кинжалами и облегченными винтовками и въ лагерное время на ученьяхъ были верхомъ.

Званія для воспитанниковъ корпуса были слѣдующія: фельдфебель, старшій унтеръ-офицеръ, вицъ-унтеръ-офицеръ, ефрейторъ и кадетъ, при чемъ первыя четыре званія отмѣчались на погонахъ нашивками изъ узкаго золотого галуна, а фельдфебель имѣлъ еще и серебрянный темлякъ на тесакѣ *).

Классовъ было: два приготовительныхъ, пять общихъ и два спеціальныхъ (установленныхъ еще съ 1842 года вмѣсто бывшихъ высшихъ курсовъ). Въ 1854 году 5-й общій классъ былъ упраздненъ, и учрежденъ 3-й спеціальный классъ. Выпуски въ офицеры изъ корпуса были во всѣ роды оружія. Великовозрастныхъ кадетъ, не подававшихъ по способностямъ и вообще класснымъ занятіямъ надеждъ на успѣшное окончаніе полнаго курса въ корпусѣ, выпу-

*) Эти отличія установлены были съ 1831 года.

скали иногда изъ 4-го общаго класса прапорщиками въ гарнизонъ (то-есть гарнизонные баталіоны тогдашняго корпуса внутренней стражи), и кадетами сложены были даже по сему поводу слѣдующіе стихи: „Мы твердо знаемъ свой законъ и на судьбу свою не ропщемъ, и чтобы выйти въ гарнизонъ—довольно быть въ 4-мъ общемъ“.

Выпускные изъ 3-го спеціальнаго класса, при производствѣ въ армейскія части, смотря по балламъ, получали прямо чинъ поручика, а изъ 2-го спеціальнаго класса, въ зависимисти отъ средняго (на выпускномъ экзаменѣ) балла и рода оружія, производились въ прапорщики или подпоручики. Съ учрежденіемъ 3-го спеціальнаго класса—только изъ него выпускались офицерами въ полки гвардіи (т. е. чиномъ прапорщика или корнета).

На каждаго кадета составлялись по полугодіямъ аттестаціи по учебнымъ занятіямъ и поведенію, подписывавшіяся командиромъ баталіона и инспекторомъ классовъ, при чемъ поведеніе кадетъ оцѣнивалось также по 12-ти бальной системѣ.

Изъ двухъ полугодовыхъ аттестацій 1854 и 1855 годовъ, подписанныхъ командиромъ баталіона полковникомъ Малевичемъ и инспекторомъ классовъ полковникомъ Линденомъ, случайно у меня (бывшаго въ то время кадетомъ въ 1-ой мушкетерской ротѣ) сохранившимся, — видно, что во 2-мъ общемъ классѣ преподавались: законъ Божій, русскій, французскій и нѣмецкій языки, исторія, географія, ариѳметика, геометрія, зоологія, ботаника, чистописаніе и рисованіе, а въ 3-мъ общемъ классѣ ботаника, ариѳметика и чистописаніе уже не преподавались, читалась средняя исторія и преподавались алгебра и топографическое черченіе.

За періодъ времени съ 1851 по 1859 годъ включительно преподавателями въ корпусѣ были; *по закону Божію*—отецъ Бенедиктовъ, *по русскому языку* — Василій Тимофѣевичъ Плаксинъ и Прокоповичъ, *по французскому языку*—Фалло, Кунъ и, кажется, Водаръ, *по географіи*—Порфирій Никитичъ Бѣлоха (авторъ извѣстнаго руководства по географіи, выдержавшаго много изданій), *по математическимъ наукамъ*—инженеръ полковникъ Германъ (обращавшійся съ каде-

тами на „ты“ и порядочный чудакъ) *), капитанъ Ивашкевичъ (Л.-Гв. Павловскаго полка очень высокаго роста; его довольно неуклюжая, коротко остриженная, голова служила для кадетъ маленькихъ классовъ предметомъ насмѣшекъ, и часто на классной доскѣ вычерчивался многоугольникъ, довольно схожій съ формою головы Ивашкевича) и Мѣшковъ; припоминается также и извѣстный математикъ и академикъ — одноглазый и весьма тучный Остроградскій, пріѣзжавшій въ корпусъ обыкновенно на публичные экзамены и наводившій страхъ на насъ, — кадетъ,—въ большинствѣ плохихъ математиковъ. *Ботанику* преподавалъ Зельгеймъ, *рисованіе*—полковникъ Зембулатовъ, *зоологію*—Жолкевичъ и *нѣмецкій языкъ*—Безбардисъ, Смиттенъ (съ густыми нависшими сѣдыми бровями и плохо говорившій по русски), Бари и Мейеръ (любившій раз сказы кадетъ о происходившихъ парадахъ и военныхъ смотрахъ, и этою его слабостью кадеты, владѣвшіе разговорнымъ нѣмецкимъ языкомъ, пользовались для фантастическихъ разсказовъ Мейеру о какомъ нибудь парадѣ, даже, иногда и не бывшемъ, — дабы этимъ путемъ возможно уменьшить время на спрашиваніе Мейеромъ заданнаго урока). *Исторію* читали Макинъ, Шульгинъ и Касторскій *химію* — Черухинъ, *тактику* — ген. штаба полковникъ Полторацкій, *военную исторію* — полковникъ Галлеръ (читалась исторія войнъ 1812—13—14 и 15 годовъ и Сѣверная война), *фортификацію* — полковникъ Андреевъ (онъ же былъ руководителемъ топографическихъ занятій кадетъ и небольшихъ съемокъ въ Петергофскомъ лагерѣ) и *артиллерію*—полковникъ Линденъ и капитанъ Шкларевичъ (нынѣ генералъ отъ артиллеріи). *Гимнастикѣ и фехтованію* обучалъ капитанъ Пезаровіусъ (малаго роста и отлично знавшій свое дѣло); наконецъ, *танцамъ* училъ Эбергардтъ. Это послѣднее занятіеили, правильнѣе, развлеченіе производилось обыкновенно въ рекреаціонныхъ залахъ.

---

*) Ему иногда было все равно, чтобы вызванный кадетъ не отвѣчалъ по преподававшейся имъ геометріи. Напримѣръ, на вопросъ его: „ну, кто желаетъ еще отвѣчать?“ — выскакивалъ какой нибудь кадетъ со словами: „Позвольте, Г. Полковникъ, возставить перпендикуляръ!“— на что Германъ, сидѣвшій обыкновенно въ полурастегнутомъ сюртукѣ, спокойно отвѣчалъ: „ну возставь, братецъ, возставь“.

Обучали танцовать не только легкіе танцы, но также „мателотъ“, „краковякъ“ и „менуетъ“, и для сего роты кадетъ выстраивались въ 6—8 шеренгъ, съ интервалами другъ отъ друга на $^1/_2$ шага, или шагъ и начинался танецъ подъ звуки скрипки. Учили также поклонамъ цѣлыми шеренгами *).

Приведу здѣсь часть стихотворенія сочиненнаго бывшимъ кадетомъ 1-го корпуса покойнымъ П. В. Жуковскимъ и прочитаннаго 17 февраля 1896 года на обычномъ въ этотъ день товарищескомъ обѣдѣ старыхъ бывшихъ кадетъ:

Конечно, не былъ я поэтомъ,
Имъ слыть охоты не имѣлъ,
Моимъ товарищамъ—кадетамъ
Писалъ на праздникъ, какъ умѣлъ.
Далеко къ небу не летая,
Слагалъ стихи безъ громкихъ фразъ,
И рѣчь была моя простая —
Такая, какъ учили насъ:
Шульгинъ и Плаксинъ, Добровольской,
И Макинъ, Рѣзвой и Хитровъ,
Баумгардтъ, Андреевъ и Касторской
И Прокоповичъ, Комаровъ —
Всѣ эти и еще другіе,
Чьи имена мы свято чтимъ,
Отъ юныхъ дней намъ дорогія,
Мы крѣпко въ памяти хранимъ.
Я помню Плаксина манеру,
Онъ повтореній не любилъ,
Не позволялъ болтать чрезъ мѣру
И чтобъ уроки кто долбилъ.

Обмундированіе кадетъ было двухъ видовъ: *домашнее*— однобортная чернаго сукна куртка на 9 пуговицахъ съ красными погонами **) и таковымъ же воротникомъ, застегивавшемся на 3 крючка, шаровары изъ сѣрой нанки, безъ козырка (фуражка) съ краснымъ околышемъ и нумеромъ роты на немъ и *отпускное* (также для парадовъ и смо-

*) Во времена фельдмаршала Миниха, къ обязанностямъ танцмейстера было отнесено также и обученіе кадетъ Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса „какъ къ Начальнику подходить и комплиментъ ему дѣлать“.

**) Высѣчка на погонахъ „I. К.“ была установлена еще съ 1834 года.

тровъ) — мундиръ однобортный на 9 пуговицахъ съ короткими фалдами и стоячимъ воротникомъ (съ 3 крючками) краснаго сукна, обшитымъ широкимъ золотымъ галуномъ, и обшлагами съ 3 пуговицами и такимъ же галуномъ; длинныя шаровары чернаго сукна и такія же бѣлыя холщевыя; каска (всегда застегивавшаяся на чешую) съ чернымъ волосянымъ султаномъ (въ лагерѣ безъ султана). Этотъ головной уборъ, вмѣсто бывшихъ киверовъ, установленъ былъ въ корпусѣ съ 1844 года. При увольненіи въ отпускъ, а также на дежурствахъ и дневальствахъ,— кадеты носили тесакъ *) на широкой (въ 4 пальца) бѣлой портупеѣ (черезъ правое плечо подъ погонъ, причемъ тесакъ былъ сзади). Шинель длинная, однобортная (на 6 пуговицахъ), изъ чернаго сукна съ костыльками на холщевой подкладкѣ для подстегиванія полъ шинели на петли во время похода. Зимнихъ шинелей (на байкѣ) казенныхъ не было, а собственныя—для отпусковъ—мало у кого были. Зимою выдавались наушники и рукавицы съ шерстяными варежками.

Снаряженіе для строя состояло изъ набитаго соломою. телячьяго ранца (нѣсколькихъ размѣровъ, смотря по росту кадета) съ манеркою изъ бѣлой жести, на двухъ бѣлыхъ лосиныхъ ремняхъ, большой патронной сумы съ кадетскимъ на ней гербомъ, носившейся на широкомъ бѣломъ лосиномъ ремнѣ черезъ лѣвое плечо. Лѣтомъ, въ лагерѣ, кадеты носили бѣлыя рубахи, подпоясывавшіяся—(внѣ строя)—краснымъ витымъ снуромъ съ кистями.

Всѣ офицеры корпуса въ строю имѣли надѣтыми на шею большіе нагрудные знаки (они и нынѣ у офицеровъ 1 кадетскаго корпуса и лейбъ гвардіи Преображенскаго полка) и шарфы съ длинными кистями.

Въ Петергофскій лагерь баталіонъ 1 кадетскаго корпуса въ полномъ вооруженіи и снаряженіи шелъ всегда (въ то время) пѣшкомъ черезъ Николаевскій мостъ и далѣе по шоссе въ Петергофъ съ рядомъ приваловъ и однимъ ночлегомъ въ пути. Изъ современнаго письма (1853 года) видно, что этотъ переходъ лѣтомъ 1853 года совершился слѣдующимъ порядкомъ: первый привалъ былъ у Краснаго

*) Подобной формы тесакъ нынѣ носятъ нижніе чины роты Дворцовыхъ гренадеръ.

кабачка, гдѣ кадеты получили обѣдъ (супъ и гречневую кашу); въ 2 часа пополудни баталіонъ выступилъ къ дер. Колонистовкѣ, гдѣ снова была кормежка кадетъ (пироги съ брусничнымъ вареньемъ и бѣлая каша) и былъ ночлегъ въ сараяхъ, на соломѣ. На другой день, въ 4 часу пополудни баталіонъ 1 корпуса прибылъ въ Петергофскій лагерь (пройдя черезъ Александрію) и былъ тамъ встрѣченъ Императоромъ Николаемъ I, тогда же поставившимъ въ строй корпуса своего внука—покойнаго Великаго Князя Николая Александровича. Мнѣ было тогда $11^1/_2$ лѣтъ и я былъ уже въ строю корпуса во время похода его въ лагерь.

Въ день выступленія изъ Петербурга въ лагерь, на корпусномъ дворѣ (съ выходомъ на Румянцевскую площадь) всегда служился передъ фронтомъ баталіона напутственный молебенъ, съ окропленіемъ св. водою корпуснаго знамени, офицеровъ и кадетъ.

Въ лагерѣ баталіонъ корпуса расположенъ былъ въ большихъ шатрахъ въ одной линіи съ прочими кадетскими корпусами, а именно такъ:

(На немъ производились линейныя ученья всѣмъ отрядомъ съ батареею Михайловскаго артиллерійскаго училища).

Въ то время директорами корпусовъ были: Пажескаго корпуса—Желтухинъ и ротнымъ командиромъ полковникъ

Жирардотъ, — Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ—Сутгофъ, Дворянскаго полка—Хатовъ, 2-го корпуса—Степановъ (а ранѣе Путята), Павловскаго — Вишняковъ, Морскаго — Епанчинъ, Михайловскаго артиллерійскаго училища—Рѣзвый (а батареею командовалъ полковникъ Кохановъ) и Инженернаго училища—Ломновскій; тогда Усть-Ижорскаго лагеря еще не было и рота этого училища лагеремъ стояла на Бабигонѣ.

Обстановка въ Петергофскомъ лагерѣ и жизнь тамъ, въ общихъ чертахъ, была слѣдующая:

Полъ въ лагерныхъ шатрахъ былъ глинобитный, рядъ столбовъ въ нихъ служилъ для развѣски аммуниціи и установки ружей въ пирамидахъ.

Въ сильный дождь шатры мѣстами порядочно протекали и, въ предупрежденіе этого, кадетами употреблялись разныя подручныя средства, включая и натираніе сѣрымъ мыломъ палаточнаго холста (надъ кроватью). Спали кадеты на деревянныхъ двойныхъ кроватяхъ (нарахъ) съ деревянною переборкою (фута $1^1/_2$ вышиною), отдѣлявшую одно ложе отъ другого. Тюфяки были набиты соломою, и одѣяла довольно жидкія, байковыя, кажется зеленаго цвѣта. Обѣдали кадеты, всѣхъ четырехъ ротъ одновременно, подъ столовымъ навѣсомъ, артелями по 6—7 человѣкъ и вся посуда была, такъ сказать, упрощеннаго вида, по сравненію съ зимнею—въ городѣ; тамъ она была оловянная, кромѣ, конечно тарелокъ и овальныхъ желѣзныхъ хлѣбницъ, выкрашенныхъ зеленою краскою. Сбитень утромъ и вечеромъ, круглый годъ, мы пили изъ глиняныхъ свѣтло-желтаго цвѣта кружекъ и онъ приносился служителями на каждый столъ въ большихъ металлическихъ чайникахъ.

Въ лагерѣ кадеты обѣдали и ужинали деревянными ложками, и такія же были большія солонки; каша (гречневка) и очищенный отъ шелухи вареный картофель подавались въ деревянныхъ мискахъ,—по одной на артель, а прочія блюда,—коихъ вообще было немного,—въ оловянной посудѣ. Щи и кашу въ лагерѣ кадетская артель ѣла безъ тарелокъ, а прямо изъ миски деревянными ложками. Помню, что, какъ то разъ, посѣтившіе лагерь Великіе Князья—Николай и Михаилъ Николаевичи—во время обѣда подсѣли къ одной изъ такихъ артелей кадетъ и вмѣстѣ

съ ними,—деревянными же ложками, ѣли изъ общей миски кашу—гречневку.

Приведу здѣсь выдержку изъ прекраснаго стихотворенія, прочитаннаго тѣмъ же, покойнымъ нынѣ, П. В. Жуковскимъ 19 февраля 1880 года:

Мы, оглянувшися назадъ,
Вдали свой видимъ возрастъ дѣтскій,
И роту видимъ, классъ и садъ,
Весь бытъ тогдашній нашъ кадетскій,
Всю, всю, до самыхъ мелочей,
Припоминаемъ обстановку,
Вкусъ даже нашихъ куличей
И насъ вскормившую гречневку.

Вообще режимъ былъ довольно суровый, но кормили кадетъ сытною, здоровою пищею, и баловства въ отношенія продовольствія не было, зато и переходъ къ офицерской жизни на маленькое жалованье, выдававшееся къ тому же тогда по третямъ года, не былъ рѣзокъ.

Къ сбитню (который привелось пить ежедневно 8 лѣтъ подъ рядъ) утромъ и вечеромъ давались опредѣленнаго размѣра французскія булки, выпекавшіяся какъ и всегда вкусный черный хлѣбъ, на корпусной пекарнѣ.

Кадетскій обѣдъ состоялъ всегда изъ двухъ блюдъ, съ добавленіемъ иногда пирога съ говядиною, а по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ давали еще каждому кадету небольшой слоеный пирожокъ съ загнутыми углами и 3—4-мя ягодками брусничнаго варенья, сиротливо ютившимися на верху пирожка; это третье блюдо было всегда одного размѣра и вида *).

Чай давали только, больнымъ въ лазаретѣ, при чемъ кадетскія лазаретныя порціи дѣлились на слабую, среднюю и усиленную и вообще обычно начинались съ довольно противнаго габеръ-супа (овсянки) и клюквеннаго киселя съ съ булкою.

Обстановка лазарета была, хотя и скромною, но все тамъ было чисто, прочно и хорошо.

Утромъ, по окончаніи классныхъ занятій и до выхода на

*) Во время свирѣпствовавшей въ Петербургѣ (не помню точно въ которомъ году) холеры, вмѣсто квасу и воды, давали кадетамъ для питья свѣтло-коричневаго цвѣта сухарную воду.

строевое ученіе, была, такъ называемая, большая перемѣна, и кадеты получали,—какъ, кажется, говорилось въ тогдашнихъ отчетахъ,—„легкій, но сытный завтракъ“, состоявшій однако, неизмѣнно и исключительно изъ небольшого ломтика чернаго хлѣба, лежавшаго въ ка́морахъ (спальняхъ), на подушкѣ каждой кадетской кровати.

Возрастъ и физическія упражненія кадетъ требовали, конечно, нѣсколько большаго питанія и, поэтому, въ силу необходимости, у кого изъ кадетъ были деньги (а крезовъ вообще въ корпусѣ, не было), пріобрѣтались у служителей булки и пеклеванники (съ масломъ и безъ онаго) или тѣхъ же служителей,—тайкомъ конечно,—посылали въ мелочныя лавки за ситнымъ и колбасою.

Въ лагерѣ въ этомъ отношеніи было лучше, такъ какъ въ тылу каждаго изъ кадетскихъ лагерей были частныя лавочки (безъ всякихъ напитковъ) съ различнымъ съѣстнымъ, начиная съ пирожныхъ. Въ нашемъ лагерѣ такую лавочку держалъ купецъ Букинъ; въ ней на кадетскомъ жаргонѣ назывались, напр.: пеклеванникъ сь масломъ (5 к.)—„занозою съ одолженіемъ“, а безъ масла (3 коп.)—„безъ одолженія“.

Особо любимыми пирогами кадетъ были, такъ называемые, „пентюхи“ съ говядиною, подобные жаренымъ пирогамъ, продающимся нынѣ въ булочныхъ Филипова, Андреева и др.

Въ дни Великаго поста (1, 4 и 7 недѣли, а также среды и пятницы) постились всѣ кадеты безъ различія вѣроисповѣданій (включая и магометанъ), при чемъ, въ числѣ постныхъ блюдъ, давали иногда винегретъ, пироги съ вареньемъ и растегаи съ кусочкомъ какой то рыбы, виднѣвшейся въ отверстіи верхней части растегая, и кадеты называли такіе пироги—„пирогами съ мертвецами“. Вообще не мало было разныхъ изрѣченій,—не исключая и ругательныхъ,—на кадетскомъ жаргонѣ, какъ напр.: „зака́лъ“—обыкновенно сильный, коренастый кадетъ, зачастую лѣнтяй, говорившій съ баска, имѣвшій иногда локти на курткѣ съ дырами, ноги колесомъ и, конечно, не кричавшій отъ боли при тѣлесномъ его наказаніи; блюдо, состоявшее изъ аккуратно нарѣзанныхъ кусковъ вареной говядины съ подливкою, кадеты почему то называли „эклиптикою подъ краснымъ соусомъ“;

свою порцію такой говядины, случалось, иные кадеты выжимали въ салфеткѣ и прятали, чтобы на досугѣ съѣсть.

Развлеченіями были: гигантскіе шаги, игра въ мячъ, подбрасывавшійся сильнымъ ударомъ правой ноги (мячи эти, довольно крупнаго размѣра, обшивались кожею и были казенные), горѣлки, жгуты, чурки и городки; излюбленною кадетскою игрою была также игра (на съѣстное и рѣдко на деньги) въ „кубики“ (изъ чернаго хлѣба дѣлались 4 маленькихъ кубика и шарикъ). Зимою устраивались на маломъ корпусномъ плацу ледяныя горы, и въ опредѣленный часъ, не смотря на порядочный иногда морозъ, обязательно всѣхъ кадетъ въ однихъ только курткахъ выводили на плацъ, при чемъ у выходныхъ дверей стояли служителя, раздававшіе желающимъ шерстяныя варежки и небольшіе лубки для катанья съ горъ.

Лѣтомъ кадетъ цѣлыми ротами водили на купанье въ одну изъ купаленъ нижняго дворцоваго сада, а, иногда, и къ военной гавани въ Петергофѣ.

Умывальники въ лагерѣ были возлѣ шатровъ.

Волоса стригли всегда подъ гребенку, и ношеніе усовъ не дозволялось.

При увольненіи въ городской отпускъ, въ зависимости отъ возраста, однимъ кадетамъ дозволялся отпускъ и ходьба по улицамъ только съ провожатымъ, а другимъ— старшихъ классовъ—безъ провожатаго, и всѣмъ уволеннымъ въ отпускъ выдавался билетъ и экземпляръ печатныхъ правилъ изъ 47 пунктовъ, установленныхъ еще въ 1844 году и подписанныхъ Великимъ княземъ Генералъ-Фельдцейхмейстеромъ Михаиломъ Павловичемъ. Отпускной билетъ кадеты носили между 3 и 4 пуговицами мундира (1 пунктъ правилъ). а правила въ боковомъ карманѣ мундира (47 пунктъ правилъ). Между прочимъ, привелось какъ то прочесть, что въ Сухопутномъ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ царствованіе Императрицы Елизаветы, въ правилахъ по увольненію въ отпускъ кадетъ, была такая фраза: „соблюдать на улицахъ установленную форму и отдавать честь не только офицерамъ, но всѣмъ знатнымъ кавалерамъ и дамамъ“.

Нѣсколько словъ о кадетской обуви. Сапоги были только короткіе и, зачастую, въ обѣденное время, не только въ

заплатахъ, но иногда (т. е. старые сапоги) и на одну ногу пригнанные; обыкновенно груда такихъ старыхъ, зачиненныхъ, сапоговъ -утромъ лежала на полу полутёмной чистильной комнаты; гдѣ же тутъ было еще выбирать, когда приходилось дорожить каждою минутою, чтобы успѣть помыться, одѣться, осмотрѣть, все ли въ порядкѣ въ одеждѣ, захватить учебники и классныя тетради и стать въ строй.— На Крещенскій парадъ въ Зимнемъ дворцѣ (части гвардіи выстраивались тогда на Невѣ, противъ Іордани) давались кадетамъ, назначеннымъ туда въ нарядъ, такъ называвшіеся, „крещенскіе сапоги“ съ мягкими подошвами, дабы не портить паркета дворцовыхъ залъ, но, тотчасъ по возвращеніи съ парада, такіе щегольскіе сапоги отбирались въ аммуничники.

Для носового платка при кадетскомъ мундирѣ съ фалдами кармана не было, и платокъ приходилось прятать подъ обшлагъ рукава мундира или въ каску, чтобы гайка шишака не давила темени.

По воскреснымъ днямъ бывали всегда въ манежѣ Инженернаго замка (нынѣ Михайловскомъ) разводы съ церемоніей въ Высочайшемъ присутствіи, и на эти разводы наряжались особые караулы отъ кадетскихъ корпусовъ.

Главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній былъ тогда генералъ-адъютантъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ (сильно заикавшійся и добродушно обращавшійся съ кадетами); онъ довольно часто посѣщалъ 1 кадетскій корпусъ, такъ какъ жилъ въ одномъ изъ его зданій, выходившихъ лицевымъ фасадомъ на 1-ю линію.

Обстановка въ ка́морахъ (спальняхъ) корпуса и повседневная жизнь кадетъ въ то время, въ общихъ чертахъ были слѣдующія.—Камора каждой роты состояла изъ одной большой залы съ колоннами и, въ мушкетерскихъ ротахъ, окнами (довольно высокими отъ пола) на 1-ю линію. Желѣзныя кровати кадетъ стояли въ 4 ряда. Все было просто, безъ излишняго щегольства и прочно. Стѣны каморъ кой гдѣ были были украшены картинами изъ военнаго быта (напр.: „Подвигъ рядоваго Архипа Осипова“, „Подвигъ гренадера Кореннаго“ и проч.), а также досками краснаго цвѣта съ именами и фамиліями фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ. Въ классахъ были и черныя

доски (установленныя еще съ 1835 года), на которыхъ записаны были фамиліи кадетъ, оставленныхъ по лѣности на второй годъ въ классѣ.—Далѣе, кажется въ сборномъ залѣ, были, установленныя съ декабря 1831 года, сѣрыя мраморныя доски съ именами и фамиліями кадетъ, признанныхъ при выпускѣ изъ корпуса въ офицеры „отличными"; въ мое время на эти доски были записаны: Обломіевскій, Конаржевскій, Духовской и Случевскій.

Въ изголовьи каждой кровати былъ желѣзный шестъ съ прикрѣпленною овальною жестянкою, выкрашенною для кадетъ въ зеленый цвѣтъ, а для унтеръ-офицеровъ — въ красный; на этихъ жестянкахъ бѣлилами были написаны (печатными буквами) имена и фамиліи кадетъ.

Между кроватями стояли ясеневыя конторки (одна на двухъ кадетъ) съ верхними ящиками (безъ замковъ) для учебниковъ и классныхъ принадлежностей и шкафикомъ внизу, съ одною въ немъ полкою, для платья и бѣлья; передъ каждою кроватью стоялъ ясеневый табуретъ, на который кадеты, ложась спать по пробитіи вечерней зари, обязаны были аккуратно и опредѣленнымъ порядкомъ укладывать сначала куртку, на нее нанковыя шаровары, затѣмъ подштанники и сверху носки (каждый отдѣльно). Кровати унтеръ-офицеровъ стояли по флангамъ рядовыхъ кадетскихъ кроватей, а фельдфебельская кровать съ краю и съ небольшимъ интерваломъ отъ прочихъ кроватей. Въ каждой ка́морѣ былъ диванъ, крытый клеенкою, для отдыха (всегда въ формѣ) дежурнаго офицера, обязаннаго днемъ быть въ мундирѣ, а послѣ вечерней зари—въ сюртукѣ и всегда при шарфѣ и каскѣ безъ султана.

Рядомъ съ ка́морой каждой роты были: аммуничникъ, чистильная, умывальная и, такъ называемая, небольшая „занимательная"—комнаты. Отхожія мѣста, называвшіяся кадетами—„капернаумами", служили курильщикамъ - кадетамъ и для тайнаго куренія (въ каминъ или душникъ) папиросъ, что въ то время, во всѣхъ ротахъ корпуса, было строго запрещено.

Особыя рекреаціонныя залы и просторныя „занимательныя" комнаты были въ другомъ этажѣ.

Въ 6 часовъ утра дежурный барабанщикъ билъ зарю, обходя съ боемъ каморы всѣхъ ротъ; по этому сигналу,

кадеты быстро вставали и шли въ умывальную, а оттуда въ чистильную для самоличной чистки сапогъ; тамъ, на небольшомъ возвышеніи, уже находились глиняныя плошки съ разведенною ваксою и сапожныя щетки и сидѣлъ въ готовности служитель-портной для мелкихъ починокъ кадетскаго платья. Одѣвшись, кадеты строились на осмотръ своими унтеръ-офицерами, затѣмъ пѣли утреннюю молитву и, по командѣ, строемъ шли въ столовый залъ къ сбитню, послѣ чего роты разводили по классамъ.

Допускъ родителей и родственниковъ кадетъ для свиданія съ ними производился разъ въ недѣлю, кажется по четвергамъ, въ опредѣленный часъ, и происходилъ въ рекреаціонныхъ залахъ.

Сборъ всѣхъ ротъ корпуса по разнымъ случаямъ происходилъ въ громадномъ — въ два свѣта — сборномъ залѣ съ пятью большими люстрами и портретами во весь ростъ Императоровъ и царствовавшихъ Императрицъ, начиная съ Анны Іоановны, основательницы Сухопутнаго Шляхетнаго кадетскаго корпуса (въ 1731 году); эти портреты были пожертвованы корпусу Императоромъ Николаемъ I 16 марта 1845 года.

Для гимнастики былъ особый большой гимнастическій залъ съ разнообразными въ немъ гимнастическими машинами, включая и кобылу для прыганія.

Корпусное начальство иногда устраивало репетички строя кадетъ въ каморахъ у кроватей и отвѣтовъ на привѣтствіе—на случай, бывавшихъ довольно часто, посѣщеній корпуса Высочайшими Особами и разными начальствующими лицами.

Иногда, подъ вечеръ, прибывалъ корпусный зубной врачъ,--кажется Вагенгеймъ,—довольно безцеремонно обращавшійся съ ртами и зубами кадетъ, являвшихся ему на осмотръ по случаю зубной боли.

Съ началомъ теплыхъ дней строевыя ученья производились на хорошо утрамбованномъ маломъ корпусномъ плацу, а также и на сосѣднемъ большомъ, поросшемъ травою.

Тамъ же, въ 1854 году, во время войны съ Турціею и союзными державами, учились строю сосѣди наши, студенты

университета и воспитанники Ларинской классической гимназіи.

Въ воскресенье и праздничные дни къ обѣднѣ, а также наканунѣ и ко всенощной, водили оставшихся въ корпусѣ кадетъ, — а таковыхъ всегда было много, — въ корпусную церковь.

Въ обычное время, среди недѣли, отпусковъ не было, а въ таковые увольнялись кадеты (исключительно къ родственникамъ) по субботамъ и наканунѣ праздничныхъ дней, за исключеніемъ, конечно, записанныхъ въ штрафной ротный или классный журналы и лишенныхъ отпуска.

Въ масляную недѣлю остававшихся въ корпусѣ кадетъ водили командами, при офицерахъ, на балаганы, кои тогда строились на Царицыномъ лугу.

Упомяну еще, что въ ряду разныхъ изрѣченій на кадетскомъ жаргонѣ, каждому корпусу дана была кадетами кличка; такъ: Павловскій корпусъ называли „Павлонами“ и „лѣсовиками“ (лагерь его лѣвымъ флангомъ примыкалъ къ англійскому парку), 2-й кадетскій — „деревяшками“, Морской—„лягушками“, Дворянскій полкъ—„тюками“ и нашъ корпусъ—„красною говядиною“.

Институты Горный и Инженеровъ путей сообщеній имѣли въ то время строевую кадетскую организацію, и кадеты этихъ двухъ заведеній снабжены были вооруженіемъ и снаряженіемъ. Мы видѣли эти два корпуса въ строю только на майскихъ парадахъ.

17 февраля 1857 года праздновался 125-лѣтній юбилей корпуса, причемъ празднества закончились баломъ въ сборномъ залѣ и сосѣднихъ помѣщеніяхъ. (Довольно подробное описаніе празднованія этого юбилея изложено въ „Воспоминаніяхъ Д. А. Скалона“; „Русс. Старина“ 1908. Мартъ стр. 702—704).

Въ лагерное время производились иногда,—какъ днемъ такъ и ночью,—такъ называемыя „тревоги“, принимавшіяся дежурными барабанщиками всего кадетскаго лагеря, а также и трубачемъ артиллерійскаго училища; по ихъ бою, всѣ корпуса быстро выходили на переднее учебное поле гдѣ и выстраивались передъ своими лагерями, въ колоннахъ къ атакѣ.

Тревоги эти производились всегда внезапно пріѣзжав-

шимъ верхомъ Императоромъ Николаемъ I, а потомъ и Императоромъ Александромъ II. Вообще Императоръ Николай I часто навѣщалъ кадетскій лагерь и иногда въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича (Императора Александра II) и Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей.

По быстротѣ выхода „на тревогу", между кадетскими корпусами всегда было соревнованіе и считалось примѣрнымъ молодечествомъ какъ можно скорѣе вынести на поле корпусное знамя *), около котораго и выстраивался баталіонъ кадетъ, причемъ часть ихъ на томъ же полѣ продолжала быстро одѣваться, застегивать ранецъ и пр. Частности эти имѣли прекрасную воспитательную сторону; онѣ закаляли кадетъ, подготовляя ихъ съ юныхъ лѣтъ къ трудамъ военной жизни и развивали въ нихъ воинскій духъ и любовь къ военному дѣлу. Рѣзкій переломъ въ режимѣ совершился въ 1863 году, когда, вмѣсто славныхъ своими историческими традиціями кадетскихъ корпусовъ, образованы были военныя гимназіи **) съ совершенно статскимъ направленіемъ, въ свою очередь, снова преобразованныя въ кадетскіе корпуса въ царствованіе Императора Александра III. Правда, что прежніе корпуса кой въ чемъ имѣли недостатки, и режимъ въ нихъ былъ суровъ, но за то какой получали кадеты тогда закалъ, выносливость и любовь къ военному дѣлу, ну, а про отличное товарищество, продолжавшееся часто между бывшими однокашниками даже въ преклонныхъ годахъ — и говорить нечего. Мы, старые нынѣ, кадеты бодро переносили холодъ, а иногда и голодъ. Въ былое время, хотя корпусное начальство и было къ кадетамъ часто не въ мѣру строго, а, случалось, и жестоко, но за то оно сплачивало ихъ въ одну массу, которая сама себя воспитывала, укореняя чувство чести, долга и прямоту.

---

*) Въ былое время 1-й кадетскій корпусъ имѣлъ нѣсколько знаменъ причемъ первое было пожаловано въ 1732 году, а начиная съ царствовованія Александра I знамя въ корпусѣ было только одно съ юбилейною Андреевскою лентою и надписями на ней—1732—1831.

**) Причемъ, образованная изъ 1-го кадетскаго корпуса, 1-я военная гимназія даже перемѣщена была изъ своего историческаго зданія на Петербургскую сторону.

Приведу здѣсь выдержку изъ стихотворенія бывшаго кадета Ал. С. выпуска 1834 года, прочитаннаго на товарищескомъ обѣдѣ 22 февраля 1898 года;

Я вспомнилъ корпусъ, вспомнилъ тѣ алеи,
Гдѣ раздавался стукъ разбитыхъ городковъ;
Я вспомнилъ классы, залы, галлереи
И капитановъ вспомнилъ—стариковъ.
Я слышу, какъ теперь, ихъ добрые совѣты,
Какъ жить должно, чтобъ избѣгать грѣховъ,
Уроки опыта, отцовскіе завѣты,
И много добрыхъ чувствъ, и много добрыхъ словъ...

На высокихъ стѣнахъ, отдѣлявшихъ отъ плаца большой нашъ корпусный садъ, еще въ 50-хъ годахъ замѣтны были (на высотѣ отъ земли, примѣрно, 2-хъ аршинъ) крупно и четко написанныя разныя нравственныя и поучительныя изрѣченія на французскомъ языкѣ, — временъ весьма давнихъ, кажется графа Ангальта,—частью заштукатуренныя малярами по указаніямъ, вѣроятно, какого-то бездарнаго и невѣжественнаго корпусного начальника.

Въ послѣобѣденное время до ужина, кадеты младшихъ ротъ были обыкновенно собираемы въ „занимательныя“ комнаты, гдѣ, разсѣвшись за столами,—подъ наблюденіемъ дежурнаго офицера,—готовили заданные уроки.

Всѣ руководства, учебныя пособія и письменныя принадлежности выдавались изъ классной канцеляріи корпуса, причемъ для письма въ первое время были исключительно гусиныя перья.

Въ корпусной церкви были черныя мраморныя доски съ фамиліями убитыхъ и умершихъ отъ ранъ бывшихъ кадетъ корпуса, стояло корпусное знамя и находилась витрина съ мундиромъ Императора Александра I, а въ 1855 году добавлена была и витрина съ мундиромъ Императора Николая I.

Въ 1857 году развился сильный гриппъ между кадетами, при чемъ число больныхъ настолько увеличилось, что ими заняты были нѣсколько рекреаціонныхъ залъ; изъ сохранившагося свѣдѣнія отъ 24 ноября 1857 года видно, что

больныхъ гриппомъ къ этому дню было 378 кадетъ.— Вслѣдствіе этой болѣзни или иной (эпидемическаго характера), одно время всѣмъ безъ исключенія кадетамъ раздавали разъ въ день порошки краснаго цвѣта и сладкіе на вкусъ, называвшіеся кадетами почему то „царскими“.

Императоръ Николай I, весьма милостиво, какъ извѣстно, относившійся къ кадетамъ вообще и особенно благоволившій къ 1 кадетскому корпусу, часто посѣщалъ его, всегда внезапно, одинъ и не только днемъ, но и вечеромъ; корпусное начальство обыкновенно при этомъ сильно трепетало, ну а мы, кадеты, прямо боготворили Государя, отличавшагося, не смотря на суровый видъ, полнымъ добродушіемъ къ кадетамъ и ласковымъ съ ними обращеніемъ, дозволяя даже иногда маленькимъ кадетамъ, бѣжавшимъ за нимъ толпою, не только цѣпляться за него, когда онъ шелъ по ротамъ, но и карабкаться на его могучія плечи.—5 марта 1855 года скончалася Императоръ Николай I, и роты корпуса, безъ ружей и аммуниціи водили въ Петропавловскій крѣпостной соборъ прощаться съ тѣломъ покойнаго Государя, а за нѣсколько дней до этого, баталіонъ 1 кадетскаго корпуса въ снаряженіи и съ ружьями участвовалъ въ церемоніи перевезенія гроба съ тѣломъ Императора изъ Зимняго Дворца въ названный соборъ, при чемъ баталіонъ былъ выстроенъ во внутреннемъ дворѣ дворца, ближайшемъ къ главному подъѣзду. Когда показался выносимый гробъ, подана была команда „на погребеніе“ и затѣмъ баталіонъ двинулся за Высочайшими Особами и свитою, сопровождавшими катафалкъ съ гробомъ во главѣ войскъ гвардіи въ Петропавловскую крѣпость *.

Уже въ 50-хъ годахъ приступлено было къ нѣкоторымъ преобразованіямъ въ военно-учебномъ вѣдомствѣ и, кажется въ 1855 году, Дворянскій полкъ, давшій нашей арміи много выдающихся офицеровъ, какъ напр.: покойнаго М. И. Драгомирова и др., былъ преобразованъ въ Константиновскій кадетскій корпусъ, въ свою очередь, переименованный въ

---

*) Тогда же, въ память Императора Николая I, ротѣ Его Величества перваго кадетскаго корпуса пожалованы были вензеля на погоны имени почившаго Императора.

1859 году въ Константиновское военное училище, гдѣ и привелось мнѣ окончить курсъ. Упраздненъ былъ во всѣхъ кадетскихъ корпусахъ 5 общій классъ и учрежденъ 3 спеціальный.

Въ 1859 году, будучи во 2 спеціальномъ классѣ и выдержавъ выпускной экзаменъ, я хотя и имѣлъ право на производство въ офицеры, но какъ не достигшій 18 лѣтъ, былъ съ двумя товарищами *) оставленъ на второй годъ во 2 спеціальномъ классѣ и для сего переведенъ въ Константиновское военное училище, такъ какъ, вслѣдствіе упомянутаго выше упраздненія 5 общаго класса, въ кадетскихъ корпусахъ въ наступившемъ учебномъ году (1859—1860) 2 спеціальнаго класса временно не было.

Начальникомъ названнаго училища тогда былъ прекрасный и гуманный человѣкъ—генералъ Киновичъ, а баталіоннымъ командиромъ сначала полковникъ Ростишевскій а потомъ Савримовичъ. По прибытіи въ училище, я былъ зачисленъ юнкеромъ въ 1 роту, которою командовалъ капитанъ Герцыкъ; фельдфебелемъ этой роты былъ П. К. Гудимъ-Левковичъ (недавно скончавшійся генералъ и членъ Государственнаго Совѣта), а въ числѣ унтеръ-офицеровъ—А. А. Боголюбовъ и Шуляченко (впослѣдствіи генералъ и извѣстный профессоръ Николаевской инженерной Академіи). 2 спеціальный классъ училища состоялъ изъ трехъ отдѣленій: первое—изъ экстерновъ-юнкеровъ (разныхъ гражданскихъ—преимущественно высшихъ учебныхъ заведеній), второе—изъ бывшихъ кадетъ Дворянскаго полка и третье—изъ кадетъ *всѣхъ* кадетскихъ корпусовъ—столичныхъ и провинціальныхъ, оставленныхъ по молодости и другимъ причинамъ на 2 годъ во 2 спеціальномъ классѣ. Въ третьемъ отдѣленіи было 23 юнкера **).

Форма юнкеровъ училища, считавшихся на дѣйствительной службѣ, состояла изъ двубортнаго мундира (по тогдашнему—казакина) съ желтыми погонами, обшитыми узкимъ золотымъ галуномъ и буквою *К* (трафаретомъ); воротникъ красный, загругленный, обшитый, какъ и обшлага

---

*) Энгельгардтомъ и Лишевымъ.

**) Отъ всѣхъ четырехъ ротъ училища, и посему о спайкѣ и товариществѣ между юнкерами, подобномъ корпусному, не могло быть и рѣчи.

широкимъ золотымъ галуномъ; шаровары чернаго сукна (лѣтомъ бѣлые полотнянные); каска гренадерскаго образца съ чернымъ султаномъ и тесакъ (нынѣшняго образца) на бѣлой поясной портупеѣ и, наконецъ, шинель изъ сѣраго солдатскаго сукна. Ружья были одного образца съ состоявшими на вооруженіи въ пѣхотѣ. Довольствіе юнкеровъ было нѣсколько иное, чѣмъ въ корпусѣ. Напр. утромъ давали уже не сбитень, а чай съ двумя кусками сахара и пеклеванникъ съ масломъ, въ 12 часовъ снова давали пеклеванникъ, но безъ масла, затѣмъ былъ обѣдъ и вечеромъ чай съ булками.—Лекціи начинались съ $8^1/_2$ утра, а по понедѣльникамъ и четвергамъ были и послѣ-обѣденныя лекціи отъ 4 часовъ. По вторникамъ, средамъ и пятницамъ желающихъ юнкеровъ по окончаніи классныхъ и строевыхъ занятій, увольняли въ отпускъ до вечера. Въ училищномъ саду (у Обухова моста, гдѣ нынѣ Константиновское артиллерійское училище) *) былъ тиръ для стрѣльбы на 250 шаговъ; манежъ на 40 лошадей для верховой ѣзды еще не былъ законченъ постройкою.

Водопровода не было и юнкера мылись сильно пахнувшею водою изъ Фонтанки, а для питья и кухни воду возили въ бочкахъ отъ Невы.

Экзамены, какъ и въ корпусѣ были полугодичные и годовые и первые начались 30 ноября 1859 года.

Въ періодъ пребыванія моего въ училищѣ, его посѣтилъ одинъ разъ Императоръ Александръ II.

Въ 1860 году скончался генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, стоявшій четверть вѣка во главѣ военно-учебныхъ заведеній и вмѣсто него Главнымъ начальникомъ ихъ былъ назначенъ Великій Князь и Генералъ-фельдцейхмейстеръ Михаилъ Николаевичъ (также числившійся въ свое время кадетомъ 1-го кад. корпуса и находившійся въ строю его 23 іюня 1840 года).

День за днемъ подошло время выпускныхъ экзаменовъ; они начались 15 апрѣля и окончились 26 мая 1860 года. Упомяну еще, что 14 марта праздновалась (и нынѣ празд-

---

*) Въ этихъ зданіяхъ помѣщался Павловскій кадетской корпусъ упраздненный въ 1863 году.

нуется) годовщина основанія Дворянскаго полка. 16 іюня 1860 года я былъ, въ числѣ прочихъ выпускныхъ, произведенъ въ офицеры и 21 іюня, на большомъ плацу роднаго мнѣ 1 кадетскаго корпуса, состоялась присяга на вѣрность службѣ всѣхъ выпускныхъ изъ училищъ и Петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ.